

тив его счастливой судьбы.

– Но ты разрешишь нам, – говорят они, – вызвать его на бой коней?

– Разрешу, – говорит он, – если вы постараетесь ни в чем его не обмануть.

Они пообещали это.

И вот они поехали в Хлидаренди. Гуннар был дома и вышел во двор. Кольскегг и Хьярт вышли с ним. Они учтиво поздоровались с подъехавшими и спросили, куда те держат путь.

– Не дальше этих мест, – отвечают те. – Нам сказали, что у тебя есть добрый жеребец, и мы хотим вызвать тебя на бой коней.

– Не с чего ходить рассказам о моем жеребце: он еще молод и ни разу не испытан.

– Ты все же, наверное, не откажешься устроить бой коней, – говорят они. – Хильдигунн сказала, что ты гордишься своим жеребцом.

– А почему вы говорили об этом? – спрашивает Гуннар.

– Потому что были люди, – говорят они, – которые сказали, что не найдется никого, кто решился бы на бой с нашим жеребцом.

– Я решусь на бой, – говорит Гуннар, – хоть и кажутся мне недружелюбными эти речи.

– Значит, мы договорились? – спрашивают они.

– Вам хочется, чтобы все было по-вашему. Я все же хочу попросить вас, чтобы от боя наших коней и другие люди получили удовольствие, и вы сами – никаких неприятностей. Еще я хочу, чтобы вы не позорили меня. Однако если вы поступите со мной, как вы поступали с другими людьми, то я, конечно, отплачу вам. Я поступлю с вами так же, как вы со мной.

Затем они поехали домой. Старкад спросил их, как они съездили. Они сказали, что Гуннар принял их вызов.

– Он согласился на бой коней, и мы договорились, когда будет этот бой. Было видно, что он боится остаться в проигрыше, и он пытался отказаться.

– Увидите, – сказала Хильдигунн, – Гуннара трудно вызвать на бой, но он очень упорен, если уж ему не уклониться от боя.

Гуннар поехал к Ньялю и рассказал ему о бое коней и о своем разговоре с сыновьями Эгиля.

– Как ты думаешь, чем кончится этот бой коней? – спросил он.

– Ты одержишь верх, – сказал Ньяль, – но многим этот бой принесет смерть.

– Может быть, и мне? – спросил Гуннар.

– Нет, тебе этот бой смерти не принесет, – сказал Ньяль, – но эту старую ссору они припомнят, когда начнут новую ссору. Тебе не останется ничего кроме как защищаться.

Затем Гуннар поехал домой.

LIX

Тут Гуннар узнал о смерти своего тестя Хаскульда. А через несколько дней Торгерд, жена Траина, разрешилась в Грьоте мальчиком. Тогда она послала к своей матери человека с просьбой решить, как назвать мальчика, – Глумом или Хаскульдом. Та выбрала имя Хаскульд.

У Гуннара и Халльгерд было двое сыновей. Одного звали Хагни, а другого Грани. Хагни был искусен во всем, молчалив, недоверчив и правдив.

И вот люди поехали на бой коней. Народу собралось очень много: там были и Гуннар с братьями, и сыновья Сигфуса, и Ньяль со всеми своими сыновьями. Приехал и Старкад со своими сыновьями и Эгиль со своими. Они сказали, что пора пускать лошадей. Гуннар сказал, что согласен. Скарпхедин спросил:

– Хочешь, я буду натравливать твоего коня, Гуннар?

– Не надо, – говорит Гуннар.

– Это было бы лучше, – говорит Скарпхедин. – Тогда с обеих сторон были бы люди неуступчивые.

– Не много тебе нужно сказать или сделать, – говорит Гуннар, – чтобы разгорелась ссора. Если же я сам буду натравливать своего коня, то дело не так скоро дойдет до ссоры, хотя все равно ссоры не миновать.

После этого коней вывели и поставили друг против друга. Гуннар приготовился натравливать своего коня, которого держал Скарпхедин. На Гуннаре была красная одежда, а в руке он держал большую палку. И вот кони сшиблись и стали так яростно кусать друг друга, что их и не нужно было